

**Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.**

**Николай
Климонтович**

**Настасья
Филипповна**

Библиотека драматургии Агентства ФТМ

Николай Климонтович
Настасья Филипповна

«ФТМ»

Климонтович Н. Ю.

Настасья Филипповна / Н. Ю. Климонтович — «ФТМ»,
— (Библиотека драматургии Агентства ФТМ)

Главной героиней пьесы, созданной на основе романа Достоевского «Идиот», Климонтович избирает Настасью Филипповну, непокорную красавицу, которая сводит с ума многих мужчин. Однако, в отличие от Достоевского, драматург акцентирует внимание на взаимоотношениях других персонажей вокруг нее. Немаловажно, что еще в самом начале действия перед зрителями предстают все герои сквозь призму собственных пороков: каждый из них рассказывает о самом ужасном поступке в своей жизни.

© Климонтович Н. Ю.

© ФТМ

Содержание

Лица	5
Акт 1. День рождения	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

**Николай Климонтович
Настасья Филипповна
*Драма в трех актах
на тему романа Ф. М.
Достоевского «Идиот»***

Лица

Настасья Филипповна Барашкова.

Лев Николаевич Мышкин, князь.

Парфён Рогожин, наследник миллионов.

Ганя.

Аглая.

Чиновник.

Генерал.

Дарья Алексеевна, из актрис.

Генеральша.

Поручик.

Садовый оркестр, дачники, зеваки – на усмотрение театра.

Акт 1. День рождения

Светская гостиная, великолепно убранная, редкие вещи и мебель, картины, огромная статуя Венеры.

Настасья Филипповна (*в строгом черном платье и мантилье*). Третьего дня я обещала Афанасию Ивановичу Тоцкому и вам, генерал, что сегодня вечером скажу последнее слово: быть или не быть. (*Отворачивается.*)

Генерал. Мы так приставали оба, что вынудили. (*Гане.*) Так смотри же, Ганя.

Ганя. Это она наверное говорит?

Генерал. Ты же слышал: слово дала. Только тебе просила до времени не передавать.

Ганя. Но ведь за мною полная свобода решения до тех самых пор, пока не решит дела сама. Да и тогда еще мое слово за мной.

Генерал. Так разве ты... разве ты...

Ганя. Я ничего.

Генерал. Помилуй, что ж ты с нами-то, с Тоцким Афанасием Ивановичем хочешь сделать?

Ганя. Я ведь не отказываюсь. Я, может быть, не так выразился.

Генерал. Еще бы ты отказывался! Тут, брат, дело уж не в том, что ты не отказываешься, а дело в твоей готовности, в удовольствии, в радости, с которою ты примешь ее слова...

Настасья Филипповна. Господа, не хотите ли пить шампанское? Шампанское приготовлено. Пожалуйста, без церемоний. (*Поднимает бокал.*) Я и сама сегодня выпью три бокала!

Чиновник. Браво!

Все, кроме Гани, берут бокалы.

Дарья Алексеевна (*Настасье Филипповне*). Да у вас как будто маленькая лихорадка?

Настасья Филипповна. Даже большая, а не маленькая. Я для того и в мантилью закуталась. Ну да это ничего, господа. Ваше присутствие сегодня особенно для меня необходимо.

Чиновник. Нас однажды – вот так же, как нынче – компания собралась. Ну, подпили, это правда, и вдруг кто-то сделал предложение, чтобы каждый рассказал про себя вслух, что сам, по чистой совести, считает самым дурным из своих поступков в продолжение жизни. Но с тем, главное, чтобы было искренне!

Дарья Алексеевна. Это что же, новое какое-нибудь пети-жэ?

Чиновник. И великолепнейшее!

Генерал. Странная мысль.

Чиновник. Да уж чем страннее, ваше превосходительство, тем-то и лучше!

Генерал. И неостроумно.

Чиновник. Изволите видеть-с, у всех есть остроумие, а у меня нет остроумия. В вознаграждение я и выпросил у хозяйки позволение говорить правду. Это ж всем известно, что правду говорят только те, у кого нет остроумия.

Ганя. Да и как же тут доказать, что я, положим, не солгу? А если солгу, то вся мысль игры пропадет.

Чиновник. Тебе, Ганечка, опасаться нечего, что солжешь, потому самый скверный твой поступок и без того всем известен. Как ты князя-то по щеке, чтоб, значит, дорогу не переступал.

Ганя (*Настасье Филипповне*). Он простил меня. Я пришел к нему повиниться и сказал, что поступил подло. Он обнял меня, и мы поцеловались...

Дарья Алексеевна. А я вот не знаю, который из моих поступков самым дурным считать.

Настасья Филипповна. Право, это бы хорошо. (*Оживляясь.*) Право бы, господа? В самом деле, нам как-то невесело. Если бы каждый из нас согласился бы рассказать... в этом роде. Разумеется, тут полная воля...

Генерал. Неужели это в самом деле серьезно, Настасья Филипповна?

Настасья Филипповна. Волка бояться – в лес не ходить.

Генерал. Да и невозможно устроить из этого пети-жэ. Такие вещи никогда не удаются.

Чиновник. Как же не удаются! Я рассказал же в прошлый раз, как три целковых украл в чужом доме. Да и на служанку, как хватились, указал. И необыкновенное удовольствие ощутил именно от того, что я ей проповедую покаяться, а бумажка-то у меня в кармане лежит.

Настасья Филипповна. Как это грязно!

Чиновник (*с неожиданной злобой*). Вы хотите от человека слышать самый скверный его поступок и при этом блеска требуете. Да есть ли такой на свете честный человек, который хотя бы раз в жизни чего-нибудь не украл! У нас, конечно, чин маленький, но мы – русский человек! Мало ли кто свою карету имеет... но какими способами!

Дарья Алексеевна. Фу, как это глупо. И какой вздор. Не может быть, чтобы все чего-нибудь и украли. Я никогда ничего не украла!

Чиновник. Вы никогда ничего не украли, но что скажет их превосходительство?

Настасья Филипповна. Если вы откажетесь, генерал, то у нас всё вслед за вами расстроится. И мне будет жаль, потому что я рассчитывала рассказать в заключение... один анекдот. Вы должны же меня ободрить.

Генерал. О, если и вы обещаетесь, то я готов вам хоть всю мою жизнь пересказать.

Чиновник. Сейчас надует, вместо сквернейшего их превосходительство расскажет один из хороших своих поступков...

Входит Князь, одет по-европейски.

Ба, да это никак их сиятельство?!

Князь (*Настасье Филипповне*). Я беспокоился, что не примете, но все равно... Может быть, смеяться будете в глаза...

Настасья Филипповна. Я сожалела, что давеча, впопыхах, забыла пригласить вас к себе. И очень рада, что вы сами доставляете мне теперь случай вас поблагодарить и похвалить вас за вашу решимость.

Генерал. Это, положим, он так пришел единственно по своей невинности.

Чиновник. Сам напросился? А коли так, то он у нас заплатит за вход. С того и начнет, что модный романс сплет.

Настасья Филипповна. Не думаю... Не горячитесь.

Чиновник. Ну, если князь у вас под особым покровительством, то смягчаюсь и я.

Настасья Филипповна (*глядя на князя*). И как это он сказал про меня давеча: разве вы такая, какую представляетесь. И может ли это быть!.. А ведь он угадал, я и в самом деле не такая...

Князь. В вас всё совершенство... даже то, что вы худы и бледны... Вас и не желаешь представить иначе... Мне так хотелось к вам прийти и... Простите.

Настасья Филипповна. Не просите прощенья, этим нарушается вся странность и оригинальность. Правда, стало быть, про вас говорят, что вы человек странный. Отвыкли от нашего-то?

Князь. Верите ли, дивлюсь, как говорить по-русски не забыл. Четыре года в России не был. Вот с вами говорю теперь, а сам думаю: а ведь хорошо говорю. Как приехал, всё по-русски говорить хочется... Я сиротой рос, матери своей не помню...

Настасья Филипповна. Вот скажите, я и тогда вас спросить хотела: почему вы меня не разуверили давеча, когда я так ужасно... в вас ошиблась?

Дарья Алексеевна. Ошиблась? Что такое?

Настасья Филипповна. Вообразите, господа, я давеча в прихожей в квартире Гаврилы Ардальоновича приняла князя – за лакея и доложить послала. Да еще за колокольчик отчитала, что поправить лень. И шубу ему на руки сбросила. (*Смеется.*)

Князь. Я удивился очень, увидя вас так вдруг...

Настасья Филипповна. А как же вы узнали, что это я? Где вы меня видели прежде? И позвольте спросить, почему давеча вы остолбенели на месте? Что во мне такого остолбеняющего?

Чиновник. О, господи, да на такой вопрос каких только вещей можно наказать. Пен-тюх же ты, князь, после этого.

Князь. Давеча мне Ганя ваш портрет, что вы ему подарили, показал. И меня ваш портрет поразил очень. А потом вот с генералом мы про вас говорили. И еще один случайный знакомый, Парфён Рогожин, на железной дороге мне много про вас... Я ваши глаза точно где-то видел... Может быть, во сне.

Настасья Филипповна странно смотрит на Князя.

Генерал. Вот еще новости. Это какой же Рогожин? Я слышал от Настасьи Филипповны, кажется... Какой-то она анекдот с серьгами пересказывала.

Ганя. Вероятно, одно только безобразие. Купеческий сынок гуляет.

Дарья Алексеевна. Что за история? Мы ничего не знаем.

Генерал. Что-то о подвесках бриллиантовых. Вроде бы этот самый Рогожин на отцовские деньги купил подвески у ювелира тысяч на десять и преподнес.

Чиновник. У-ух! Покойник ведь не то что за десять тысяч – за десять целковых на тот свет сживывал.

Генерал. И будто бы старик узнал про проказу сына, сам к Настасье Филипповне явился, земно кланялся ей, плакал и умолял вернуть ему коробку-то. И, кажется, Настасья Филипповна ему серьги швырнула и говорит: мне этот подарок теперь в десять дороже, коли из-под такой грозы его Парфён добывал!

Чиновник. С месяц тому назад старый Рогожин, потомственный почетный гражданин, помер и два с половиной миллиона капитала ему оставил. Теперь, господа, что подвески, теперь они такие подвески вознаградят!..

Генерал. Тут может быть не только миллион, но страсть, безобразная страсть. А ведь известно на что эти господа способны во всем хмелю. Не вышло бы еще анекдота какого.

Ганя (Князю). А как вам показалось, князь, – по случайному-то знакомству – серьезный какой-нибудь человек этот Рогожин или только так, безобразник? Собственно ваше мнение?

Князь. Не знаю, как вам сказать, только мне показалось, что в нем много страсти, и даже какой-то больной страсти.

Генерал. Вам так показалось? Тогда, пожалуйста, все дело в том, что у него в голове мелькнет.

Ганя. А как вы думаете, князь, может быть, Рогожин этот и жениться на Настасье Филипповне вздумал?

Князь. Да что же, жениться, я думаю, и завтра же можно; женится, а через неделю, пожалуй, что и зарежет... (*Гане.*) Что с вами?

Настасья Филипповна. Так вы, стало быть, меня за совершенство почитаете?

Князь. У вас – удивительное лицо. И я уверен, судьба у вас – необыкновенная. Лицо веселое, а ведь вы ужасно страдали. Об этом глаза говорят, вот эти две косточки, две точки под глазами в начале щек. У вас гордое лицо, ужасно гордое, а вот не знаю – добры ли вы? Ах, кабы добры, всё было бы спасено.

Настасья Филипповна. Добра ли? Вы хоть и мастер угадывать, однако ж в этом ошибаетесь. Я вам сегодня же об этом напомним...

Ганя (*сбивчиво*). Я наблюдал князя почти безостановочно, с того самого мгновения, когда он давеча в первый раз на ваш портрет поглядел... Он в точности всё сейчас повторил – и про страдания, и про доброту... я очень хорошо помню. Я еще давеча подумал о том, в чем теперь убежден совершенно и в чем, мимоходом сказать, мне на мой вопрос князь сам признался...

Князь. Я вам не делал признаний.

Ганя. Как же, я еще спросил, женились бы вы на такой женщине. А она чрезвычайно русская женщина, я вам скажу...

Генерал. А я-то, князь, вас считал за философа. Ай да тихонький!

Настасья Филипповна (*в возбуждении*). Господа, а что наше пети-жё? Посвятим же князя! Ваша очередь, генерал.

Генерал. Признаюсь, ожидая очереди, я уж приготовил свой анекдот.

Чиновник. Князь, позвольте вас спросить, как вы думаете, мне вот всё кажется, что на свете гораздо больше воров, чем не воров. Это моя мысль. Из чего, впрочем, я вовсе не заключаю, что все сплошь одни воры. Хотя, ей-богу, ужасно хотелось бы иногда и это заключить...

Настасья Филипповна (*Чиновнику*). Вы ужасно много болтаете лишнего, и никогда не dokonчите!

Чиновник. А вы-то сами, князь, ничего не украли?

Генерал. Фу! Как это смешно! Опомнитесь...

Дарья Алексеевна. Дайте же генералу сказать!

Генерал. Мне, господа, как и всякому, случалось делать поступки не совсем изящные. Но один я по совести считаю сквернейшим. Случилось стоять в городке на квартире у одной отставной подпоручицы, вдовы, лет восьмидесяти была старушонка, домишко ветхий, дрянной. Жила с ней когда-то племянница, горбатая и злая, говорят, как ведьма, раз даже старуху укусила за палец, но та и померла. И вот старуха украла у меня петуха. Дело до сих пор темное, но кроме нее было некому. За петуха мы поссорились, а тут меня на другую квартиру перевели. Проходит три дня, денщик докладывает, что, мол, напрасно, ваше благородие, миску у старухи оставили, не в чем суп подавать. Старуха, значит, ему сказала, что я ей миску будто бы в плату за разбитый горшок оставил. Такая низость с ее стороны вывела меня из последних границ, кровь закипела, вскочил, полетел. Гляжу, старуха сидит в сенцах, в углу, рукой щеку себе подперла. Я тотчас, знаете, на нее, и эдак по-русски, а она сидит, лицо на меня уставила, глаза выпучила и – ни слова в ответ, странно так смотрит и как бы качается... Потом узнал, что она померла. Это, значит, в то самое время, когда я ее ругал, она и отходила.

Настасья Филипповна. Вы изверг! (*Хохочет и хлопает в ладоши.*)

Чиновник. Bravo, bravo! Вот так анекдот!

Генерал. Тут одно оправдание, поступок в некотором роде психологический, но все-таки я не мог успокоиться, пока не завел лет пятнадцать назад двух постоянно больных старушонок на свой счет в богадельне.

Чиновник. Надули вы нас, ваше превосходительство, я так и знал наперед, что надуете!

Настасья Филипповна (*небрежно*). Я и не воображала, генерал, что у вас-таки доброе сердце, даже жаль. Да и правы вы были, пети-жё прескучное, надо бы поскорей кончить. Расскажу сама, что обещала, и давайте все в карты играть.

Генерал. Но обещанный анекдот прежде всего!

Настасья Филипповна (*неожиданно резко*). Князь! Здесь старые мои друзья – его превосходительство и другой, давний мой покровитель Афанасий Иванович Тоцкий, – меня

всё замуж хотят выдать. Скажите мне, как вы думаете: выходить мне замуж или нет? Как скажете, так и сделаю.

Князь. За... за кого?

Настасья Филипповна. Да вот – за Гаврилу Ардальоновича.

Князь (*после нескольких секунд молчания*). Н-нет... не выходите.

Настасья Филипповна. Так тому и быть! Гаврила Ардальонович, вы слышали, как решил князь? Ну, так в том и мой ответ; и пусть это дело кончено раз и навсегда!

Генерал (*умоляюще*). Настасья Филипповна!

Настасья Филипповна. Что вы, господа, что вы так всполохнулись? И какие у вас всех лица! Хорош мой анекдот?

Генерал. Но что же сказать Афанасию Ивановичу?.. Ведь вы ему обещание дали... вполне добровольное, и могли бы отчасти и пощадить... Как же теперь, в такую минуту, и при людях... кончить таким пети-жё дело серьезное, дело чести и сердца...

Настасья Филипповна. Что такое – при людях? Разве мы не в прекрасной интимной компании? И разве это не серьезно? Сказал бы князь «да», я бы тотчас дала согласие. Тут моя вся жизнь на одном волоске висела.

Генерал. Но князь, почему тут князь? И что такое, наконец, князь?

Настасья Филипповна. А князь для меня то, что я в него в первого во всю мою жизнь, как в истинно преданного человека поверила. Он в меня с одного взгляда поверил, и я ему верю.

Ганя. Мне остается только отблагодарить Настасью Филипповну за чрезвычайную деликатность, с какою она со мной поступила. Но князь в этом деле...

Настасья Филипповна. До денег моих добирается, это вы хотели сказать? Да все деньги, что мне в приданое мой покровитель Афанасий Иванович Тоцкий положил, я ему же и возвращаю. Слышите, генерал, так ему и передайте – мол, отпускает его Настасья Филипповна на волю даром! Да и вы, генерал, ваш-то жемчуг тоже не забудьте! А я с сегодняшнего дня и вообще с квартиры съезжаю. Так что этот вечер у нас – последний. Шампанского, господа!

Очень сильный удар колокольчика.

А-а-а! Вот и развязка! Половина двенадцатого! Наконец-то!

Чиновник (*выглянув в прихожую, торжественно*). Сам Рогожин!

Рогожин, в сапогах, в ярко-зеленом с красным шарфе с огромной бриллиантовой булавкой, входит и кладет на стол нечто, завернутое в «Биржевые ведомости».

Настасья Филипповна. Что это такое?

Рогожин. Сто тысяч!

Настасья Филипповна. А, сдержал-таки слово, каков! Господа! Давеча вот он закричал как сумасшедший, что привезет мне вечером сегодня, когда я именинница, сто тысяч – вот они, в этой грязной пачке. Это он торговал меня: начал с восемнадцати, потом скакнул на сорок, а потом вот и эти сто. Сдержал-таки слово!

Рогожин. Как? И ты тут, князь? Всё в штиблетиках, э-эх! Чуть из чужих краев – сразу к Настасье Филипповне!

Настасья Филипповна (*о Рогожине*). Фу! Какой он бледный!

Генерал. Настасья Филипповна!

Настасья Филипповна. Что такое, генерал? Неприлично, что ли? Да ведь что я во французском-то театре в ложе Тоцкого пять лет как неприступная невинность сидела, как гордая добродетель, так ведь это всё дурь меня доехала!.. Ганечка, я вижу, ты на меня до сих пор еще сердисься? Да неужто ты меня в свою семью ввести хотел, меня-то, рогожинскую?!

Дарья Алексеевна. И неужели ты с эдаким отправиться хочешь, хошь и за сто тысяч. А ты сто тысяч-то возьми, а его прогони, вот как с ними надо делать. Эх, я бы на твоём месте...

Настасья Филипповна. Да неужто, Ганя, ты меня взять мог, зная, что вот он (*показывает на Генерала*) чуть не накануне твоей свадьбы мне жемчуг дарит? А я беру...

Рогожин (*вдруг указывая на Ганю*). Он – Иуда, покажи я ему три целковых, вынь вот теперь из кармана, – на Васильевский остров за ними доползет на карачках. Ты не смотри, что я в таких сапогах пришел, у меня денег, брат, много, всего тебя и со всем твоим живьем куплю... Э-эх, Настасья Филипповна, не прогоните, скажите словцо: венчаетесь вы с ним или нет?

Настасья Филипповна (*Гане*). Да неужто же правду про тебя Рогожин сказал? И добро бы с голоду умирал, а то ведь жалованье хорошее получаешь. Этаким за деньги зарежет. Ведь теперь их всех такая жажда обуяла, так их разнимает на деньги, что они словно одурели. Сам ребенок, а уж лезет в ростовщики! (*Гане.*) Я бесстыжая, а ты – того хуже!

Генерал. Вы ли это, Настасья Филипповна!

Настасья Филипповна. Я теперь во хмелю, генерал. Я гулять хочу! Сегодня мой день! Мой високосный день, я его давно поджидала. И за что я мои пять лет с Тоцким в эдакой злобе потеряла? (*Дарье Алексеевне.*) Я бы замуж давно могла пойти, да и не то что за Ганечку, да ведь очень уж мерзко. Нет, уж лучше на улицу, где мне и следует быть! Иль разгуляться с Рогожиным, иль завтра же в прачки пойти! Потому ведь на мне ничего своего нет, уйду – все покровителю оставлю, а безо всего меня кто возьмет, а, Ганя? (*Показывает на Чиновника.*) Да меня и он не возьмет.

Чиновник. Я не возьму, Настасья Филипповна, я человек откровенный, зато князь – возьмет. Вы взгляните-ка на князя, я уж давно наблюдаю...

Настасья Филипповна (*Князю*). Правда?

Князь (*шепотом*). Правда.

Настасья Филипповна. Возьмете как есть, без ничего?!

Князь. Возьму, Настасья Филипповна.

Генерал. Вот и новый анекдот.

Настасья Филипповна (*Дарье Алексеевне*). Вот еще один нашелся благодетель. И ведь впрямь – от доброго сердца. (*Князю.*) Чем жить-то будешь, коли уж так влюблен, что рогожинскую берешь, за себя-то, за князя-то?

Князь. Я вас честную беру, Настасья Филипповна, не рогожинскую.

Настасья Филипповна. Это я честная-то?

Князь. Вы.

Настасья Филипповна. Это, князь, голубчик, старые бредни, а нынче свет поумнел, и все это вздор. Да и куда тебе жениться, за тобой за самим еще няньку нужно.

Князь (*дрожа*). Я ничего не знаю, я ничего здесь не видел, вы правы... но я... я сочту, что не я вам, а вы мне сделаете честь. Я ничто, а вы – страдали. Из такого ада чистые вышли. А это много. Я вас... Настасья Филипповна... люблю. Я умру за вас, Настасья Филипповна.

Настасья Филипповна (*тихо*). Я не смею честной быть.

Князь. Вы больны, за вами уход нужен.

Чиновник. Ай да последний князь!

Настасья Филипповна. Значит, в самом деле – княгиня! Развязка неожиданная... я не так ожидала... Да что ж вы, господа, стойте, сделайте одолжение, садитесь. Поздравьте меня с князем! Кто-то, кажется, просил шампанского? Я ведь замуж выхожу, слышали? Он князь; и меня берет!

Дарья Алексеевна. Да и с богом, матушка, пора! Нечего пропускать-то!

Настасья Филипповна. Да садитесь же подле, князь, вот и вино несут... Поздравьте же господа!

Генерал (*шепотом*). Князь, голубчик, опомнись!

Настасья Филипповна (*хохоча*). Нет, генерал, я теперь и сама княгиня, я теперь с вашей женою везде рядом сяду! Опоздал, Рогожин, убирай свою пачку, я за князя замуж выхожу!

Рогожин (*Князю*). Отступись!

Дарья Алексеевна. Это для тебя отступиться-то? Ишь, деньги вывалил на стол, мужик! Князь-то замуж берет, а ты – безобразничать явился!

Настасья Филипповна. Слышь, князь, вот так твою невесту мужик торгует.

Князь. Он пьян. Он вас очень любит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.